

Светлана Никитина

Любовь не терпит отлагательств

Светлана Никитина

Любовь не терпит отлагательств

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Никитина С.

Любовь не терпит отлагательств / С. Никитина —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Молодая студентка из Ростова случайно знакомится с молодым человеком из криминального мира, помогает ему скрыться от недоброжелателей. Они проникаются симпатией друг к другу, но он уезжает, у каждого своя жизнь и разные взгляды на нее. Спустя несколько лет она бежит из родного города, спасая девочку-подростка от рук работоторговцев, в Москву, где вновь встречает того самого парня, свою первую любовь. Их чувства друг к другу сильны, но его опасный образ жизни втягивает хрупкую молодую женщину в борьбу с настоящими криминальными авторитетами. Ей придется найти в себе силы и проявить такие качества характера, о которых она прежде и не подозревала.

© Никитина С.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Светлана Никитина

Любовь не терпит отлагательств

Глава 1

– Объясняю в последний раз! У меня через пять недель сессия!

– Ира, ты не перестаешь расширять границы своей безответственности! Тетя Маша не простит, Любаша обидится! – с укоризной высказался мой брат.

– Знаю, знаю! Но у меня столько нагрузки, что я не могу точно сказать, смогу ли вырваться, – я задумчиво почесала нос, плечом крепче прижимая к уху мобильный. – Я все понимаю, свадьба и все такое... но, помимо подготовки к экзаменам, на мне еще и общественная работа. Угораздило же проявить инициативу в первый день учебы!

В прошлом году я поступила на первый курс филфака. Пришлось, как это бывает у выпускников общеобразовательных заведений, собирать свои вещички в чемодан и бежать на электричку. Так, за несколько дней до начала учебы я перебралась из родного городка Новочеркасска в Ростов и поселилась в университетском общежитии. В маленькой комнатке помещались лишь две кровати, письменный стол, допотопный шкаф и два деревянных жестких стула, – вся мебель едва ли не довоенного производства. Соседкой по комнате оказалась веселая и легкая на подъем Марина Рудько – восхитительно экстравагантная девчонка с рыжими крупными кудряшками и голубыми глазами. Как-то сразу стало понятно, что мы с ней уживемся.

Первого сентября мы сидели в аудитории, в окружении таких же, как и мы, семнадцатилетних, веселых, но в глубине души взволнованных одноклассников. Преподаватель психологии опаздывал уже на десять минут. Все сидели, вертясь и переговариваясь между собой, но дальше риторического вопроса «Ну и кто пойдет за преподом?» дело не шло. Я не выдержала первой и молча пошла на кафедру. В спину мне донесся нестройный хор мальчишеских голосов: «А вот и староста!». Вот так меня и угораздило взвалить на свои плечи ответственность за группу, посещаемость, информирование однокурсников и прочее, и прочее.

Вместо того, чтобы сидеть спокойно на перемене между парами и чесать языком, я крутилась по всему корпусу, узнавая расписание, какой пары не будет, кому и что нужно досдать, кому и что нужно отксерить на втором этаже в кабинете информатики. Не скажу, чтобы меня это слишком напрягало, но ведь и беспросветной заучкой я никогда не была. Да и Маринка мне всегда составляла компанию, когда я подкарауливала у кафедры методиста или лаборанта.

Первую зимнюю сессию я сдала с честью, все своими силами, благодаря своей усидчивости, упорству и бессонным ночам над учебниками и конспектами. Отгуляв короткие каникулы в Новочеркасске и справив двадцать третьего января свое восемнадцатилетие, я вернулась к учебе. Сейчас уже конец апреля, практические и курсовые работы уже почти готовы к сдаче – ведь учусь я и впрямь неплохо! – но в июне меня поджидает кошмар любого среднестатистического студента. То есть, целых десять кошмаров: пять зачетов и пять экзаменов. Поэтому у меня и идет голова кругом, ведь каждый день после пар я усаживаюсь за книги. Обычно занимаюсь в нашей комнате за письменным столом, но иногда и в библиотеке – засиживаюсь в читальном зале до часу ночи. Но это уже не из любви к книгам. Есть у нас с Маришкой такая договоренность: если одной из нас понадобится комната, ну то есть, чтобы привести к себе парня, – вторая где-нибудь гуляет. Потому-то я и коротаю вечера в библиотеке, где от долгого сидения за столом ломит спину, а не на своей односпалке, где, не смотря на продавленную сетку, все равно несоизмеримо удобнее. А в библиотеке мне приходится отсиживаться раза эдак три в неделю. Иногда я ворчу, что с ее стороны это невиданная наглость, но по-доброму.

Какая мне, в конце концов, разница, где читать? А вот с парнем уединиться в библиотеке не дадут: здесь блюдет порядок строгая, но справедливая Ираида Степановна, статная женщина интеллигентного возраста, в элегантных очках, с аккуратной прической и в неизменно строгих старомодных костюмах, – все, как и положено даме этой профессии.

Откровенно говоря, я еще ни разу не воспользовалась своим правом на уединение в нашей общажной комнате. С парнями у меня как-то не клеится. Нет, дело не во внешности: я эффектная блондинка с яркими чертами лица; и фигурой своей я крайне довольна, талия у меня тонкая, а объем у меня имеется только там, где ему полагается быть. Дело, скорее, в том, что я не слишком уверенно общаюсь с парнями, да меня не очень-то и привлекают эти малолетние юноши. Я с ними, можно сказать, дружу и вполне нормально общаюсь, а порой и командую некоторыми лентяями. Но не созрели они еще умом, и поговорить с ними на серьезные темы не так просто.

Маринка только посмеивается надо мной, дразня старой девой, но я не обижаюсь, понимая, что быть девственницей в восемнадцать не зазорно. Не модно, но и не стыдно, – я так считаю.

А в данный момент я сижу на широком подоконнике в коридоре и разговариваю по телефону со своим старшим братом Вовкой. Образование он уже давно получил и работает в компьютерном сервисном центре в Новочеркасске. Он-то и зазывает меня приехать на следующей неделе на выходные, побывать на свадьбе нашей двоюродной сестры Любы. Мы дружим, любим друг друга; и конечно же я с удовольствием навестила бы их в такой день, в такой праздник. Но методист Наталья Павловна по-страшному нагрозила меня кое-какими поручениями, что я как раз и пытаюсь «разжевать» брату.

– Я просто хочу, чтобы ты предупредил Любаню, что нет никакой уверенности в том, что мне удастся вырваться вовремя. Я хочу, но, чтобы ее не обнадеживать зря, так говорю. Если удастся разгрести эту работу к следующим выходным, обязательно приеду. Ну, может припозднусь на регистрацию... Что непонятного?

– Так бы сразу и сказала, – протянул Вовка.

– Я тебе так и говорила всю прошлую неделю! Ну и зануда! Ладно, Вовчик, я с пары отпросилась выйти, мне уже возвращаться пора!

И я, завершив разговор, пошла в аудиторию.

В пять вечера я побрела в библиотеку, которая стояла отдельным храмом в студгородке. В пятничный вечер здесь было малоллюдно: большинство студентов разъехались по домам, а те, кто не торопился увидеться с родными, разбежались по клубам, скверам и пиццериям.

Маришка тоже поскакала в общагу собираться на танцульки, справедливо полагая, что тратить вечер пятницы на сидение над учебниками – ничем не оправданное расточительство своей молодости. Я с ней не была согласна в этом вопросе, быть может, от того, что, в отличие от подружки, у меня нет парня; а может, я просто отличаюсь от своих однокурсников сознательностью и обостренным чувством ответственности. Последний вариант тешил мое самолюбие гораздо больше.

Вместе с этой мыслью пришло воспоминание об обвинении меня в безответственности моим братом. Вовка старше меня на пять лет, но в свои двадцать три он и впрямь вызывает большое уважение. Он заменил мне родителей, и в частности мать, которая четыре года назад познакомилась в интернете с каким-то иностранцем и переехала к нему жить в Амстердам. О детях она благополучно забыла, полностью завертевшись в водовороте новой страсти. Не знаю, как сложились их отношения – весточки о себе она не подала ни разу, даже открыток не присылала на праздники.

Отца своего я и вовсе никогда не видела. Почему? Очень просто: с Вовчиком папы у нас разные. Родители развелись, когда ему было четыре. Мать пустилась во все тяжкие, закрутила роман с одним мужиком, привела его в дом и велела Вовке называть его папой. Однако скоро

она забеременела, и отчим, ничего не говоря и не объясняя, собрал свои пожитки, уместившиеся в одной дорожной сумке, и был таков. Аборт делать оказалось уже поздно. Так и появилась на свет я. Не отличавшаяся особым материнским инстинктом мама мало мною занималась, устремив все свои силы и таланты на устройство собственной личной жизни, и «отчимы» сменялись в нашей двушке с завидной регулярностью. Наверное, только благодаря этому мы с Вовкой и сплотились. Когда же сбежала в Нидерланды мама, на нем повисла задача обеспечивать себя – тогда второкурсника на факультете информационных технологий и программирования – и меня – четырнадцатилетнюю сестру-школьницу. День его был забит под завязку: с девяти до пяти – пары, вечером зарабатывал на автомойке в ночную смену, улущая краткие моменты, чтобы выполнять домашние задания. Учился он тогда тоже в Ростове. Я же жила одна в нашей квартире под присмотром тети Маши, моего крестного – дяди Жени и соседки по лестничной клетке Зинаиды Марковны – строгой сухопарой женщины, работницы районного исполкома. Так что, одной мне было в квартире не страшно. В случае чего – всегда могла позвонить родственникам или побежать к ответственной и активной соседке. А вот чтобы не быть обузой для старшего брата, которого я очень любила, жалела и, в какой-то мере, боготворила, я старалась есть как можно меньше, экономила продукты и деньги, которые он мне присылал, никогда не требовала новых нарядов, до последнего донашивала старые свитера и ботинки и никогда не устраивала истерик из-за того, что мы не могли позволить себе покупку новой школьной сумки или красивых дорогих тетрадей.

Оберегая его нервы и финансы, я самостоятельно окончила школу, поступила в университет, получила стипендию. И ныне продолжаю усердно заниматься, чтобы сдавать все сессии, не прибегая к взяткам, хотя сама я, как староста, перед каждым экзаменом регулярно составляла список одноклассников, желающих проплатить сдачу того или иного предмета, собирала с них необходимую сумму и вручала преподавателю. Меня в этом списке не было ни разу.

Вовка, конечно, понимал, что и я стараюсь эти четыре года, поэтому отношения у нас сложились нежно-дружеские.

Я потеряла глаза и оглянулась вокруг. В читальном зале никого не было, кроме меня и Ираиды Степановны. Часы на стене показывали полвосьмого. Я поймала на себе взгляд библиотекаши, который словно говорил: «Имей совесть, иди в общагу, отдохни. Пятница. Нормальные люди в это время всюю тусуют, а не маринуют честных библиотекарей на рабочем месте».

Я вздохнула, сгребла в охапку конспекты, учебники и методички и подошла к столу Мурены, – так называли Ираиду Степановну абитуриенты. Наверное, за выжидательное выражение строгих глаз.

Она занесла в мой формуляр названия книжек, я поставила подпись и вышла на улицу, собираясь продолжить работу над ними в нашей с Маринкой комнате. Интересно, она уже ушла? Наверное, да. Посижу спокойно в одиночестве над учебником по психологии за чашечкой кофе и сигареткой. Благодать!

Я пошла по узкой плиточной дорожке к своему корпусу общежития. В гудящей голове до сих пор вертелись всяческие правила и определения из книжек. Даже в чудесных весенних сумерках уставший мозг не мог расслабиться – сказывались напряженные месяцы непрерывной зубрежки.

Вот и фонарь над дверью общаги появился в поле моего зрения. Совсем скоро я плюхнусь на свою койку с панцирной сеткой и немного отдохну, прежде чем опять начну штурмовать взятые в библиотеке пособия.

Вдруг слева от меня, словно вырвав из глубин этих раздумий, послышался негромкий стон. Я споткнулась от неожиданности и посмотрела на пышные кусты еще не расцветшего, но уже обзаведшегося зелеными свежими листочками жасмина. Уже было совсем темно, и было трудно что-то разглядеть, но я поняла, что это не какая-то пьяная парочка студентов копошится

в кустах. Возни не было. Я напрягла зрение и поняла, что на земле в кустах лежит лишь один человек, черный силуэт которого безошибочно принадлежал мужчине, причем высокого роста. Я сначала испугалась, что это грабитель. Однако человек не шевелился, лежа навзничь на еще промозглой весенней почве. Наверное, пьяница. Но как его занесло в студгородок? Или это кто-то из наших? Чтобы убедиться, я шагнула вглубь кустарника и пригляделась к чертам лица молодого мужчины, который – было понятно даже в темноте – не являлся студентом нашего ВУЗа. На вид ему было около двадцати пяти – двадцати шести лет. И он совершенно не был пьян: одежда оказалась чистой и дорогой, да и запаха алкоголя и близко не было, только едва уловимый аромат мужского парфюма, и еще чего-то смутно знакомого. Казалось, мужчине было плохо. Он лежал на спине, с закрытыми глазами и, похоже, даже не заметил, что рядом с ним кто-то стоит.

– Эй, вам плохо? – негромко окликнула я.

Он резко открыл глаза, но, видимо, с трудом различал, что происходит вокруг.

– Вам плохо? – отшатнувшись от испуга, так же в полголоса повторила я.

Он что-то промывчал в ответ, но я не разобрала ни слова. Я присела на корточки, чтобы расслышать его слова:

– Что?

– Помогите... – с трудом прошептал он пересохшими губами.

– Что с вами? Погодите, я сейчас вызову «скорую»!

– Нет! – мужчина, не смотря на слабость, вдруг резко схватил меня горячей рукой за запястье. – Нет, не надо, пожалуйста.

– А что с вами? Чем я могу помочь?

– Воды... попить...

– Вода, вода... – забормотала я, роясь в сумке. – Должна быть... Вот!

Я вытащила маленькую бутылочку минералки без газа, в которой оставалось около половины.

Мужчина с усилием приподнялся на один локоть, и в свете фонаря, пробивавшемся сквозь ветви жасмина, я заметила, как на правом плече его весенней куртки блеснула кровь. Он, скривившись от боли, потянулся травмированной рукой к бутылке.

– Я помогу, – вызвалась я и поднесла горлышко бутылки к его губам.

В считанные мгновения он осушил ее и задышал гораздо свободнее:

– Спасибо.

– Что случилось? – почти требовательно спросила я.

– Небольшой инцидент, – сказал он, посмотрев, наконец, на меня осознанным взглядом. – Нарвался в одиночку на своих недоброжелателей. Один против пяти вооруженных парней – неравный бой, не находите?

– Вас подрезали?! – ахнула я.

– Если бы не удалось убежать, убили бы наверняка... – словно что-то прикидывая в уме, произнес он.

– Убили бы?!

– Совершенно верно. У меня в правой руке две пули. Я потерял уже немало крови, поэтому выбился из сил. Даже не понял, как здесь оказался... А я, кстати, где?

– Это студгородок, – пояснила я, глядя на него широко распахнутыми глазами. – Вам срочно нужна помощь врача...

Парень сел.

– Нельзя мне к врачам. Меня быстро найдут в больнице. И добьют. Мне сначала надо связаться со своими ребятами, а пока нельзя никуда высовываться.

– Но... У вас же ранение... – пробормотала я, лишь где-то в самой глубине подсознания удивляясь тому, что среди бела дня в центре Ростова вообще могли стрелять.

– Точно. И поэтому мне очень повезло, что меня нашла именно ты. Думаю, у тебя как у любой девушке, в сумочке непременно найдется зеркальце и маникюрные ножнички... или щипчики для бровей – тоже сойдут. Я сам вытащу пули.

Меня пробрала дрожь от воображения подобной картины.

– Еще было бы неплохо чем-нибудь перевязать... – продолжал он.

– Вообще-то, нет, – я даже слегка сконфузилась от того, что в моей сумке нет обычных для всех девушек предметов, в том числе зеркала, поскольку смотреться в него и подправлять макияж мне совершенно некогда. – Не ношу с собой подобных вещей. Но у меня все есть в комнате. И бинты тоже есть... Только здесь мы ничего не увидим.

– Верно. Но не садиться же на лавочке под фонарем с таким занятием...

– Угу, – задумчиво протянула я. – Ладно, я тебе помогу, – решительно сказала я, тоже переходя на «ты».

С чего я решила ему помогать, я и сама не знала. Что я о нем знаю? Ничего, кроме того, что он как-то связан с «криминальными» личностями. Недоброжелатели у него, видите ли, есть! И к чему мне эти проблемы? Черт его знает! Но раз сказала «А», говори и «Б»! Взясась помогать – помогай до конца.

– Давай проведу тебя в общагу. Избавишься от пуль, и можешь быть свободен.

– А сможешь?

Я достала телефон и набрала номер Маринки.

– Да? – весело промурлыкала она в трубку.

– Мариш, ты еще в общаге?

– Да, но уже обуваюсь. Сейчас уйду. Меня уже девчонки ждут. А что? Неужели надумала присоединиться?

– Уж этого ты от меня, наверное, никогда не дождешься, – нервно улыбнулась я. – Но мне нужна твоя помощь. Можешь очистить вход ненадолго? Ко мне брат приехал. Он, правда, по работе, но мы давно не виделись, да и денег на гостиницу нет. Хочу его к себе провести. А ты же знаешь нашего коменданта: заставит тест на ДНК проходить!

– О чем разговор! Нет проблем, – весело отозвалась подружка. – Сейчас немного пошумим!

Я спрятала мобильный в сумку.

– Подняться можешь? – спросила я раненного.

– Да. Спасибо, – он поднялся на ноги, поддерживая раненную руку и прижимая ее к телу.

– Ничего. Людям помогать надо, – сказала я, скорее всего, сама себе.

– Даже незнакомым? – спросил он, следуя за мной к общаге.

– Да. Я, конечно, о тебе ничего не знаю, но, думаю, ты не причинишь мне вреда в благодарность за помощь?

– Что ты! – улыбнулся он неожиданно очень красивой и притягательной улыбкой. – Правду говоришь: ты ничего не знаешь обо мне, а я вполне в состоянии материально отблагодарить тебя за человеколюбие.

– Я не только человеколюбива, но и не страдаю жаждой наживы, – хмуро ответила я, не оборачиваясь.

– Извини, не хотел тебя обидеть. Просто и впрямь не так часто встретишь человека, готового помогать незнакомцу. Я лишь имел в виду, что можешь рассчитывать на мою благодарность и ответную помощь в случае чего...

– Стой тут, – оборвала я его и заглянула в вестибюль общежития. Коменданта на месте не было, видимо Маришка уже исполнила обещанное.

Я ухватила мужчину за куртку и быстро потянула за собой по коридору. Откуда-то со второго этажа доносился шум, громкие голоса и невероятная суeta. Мы добежали до середины длинного коридора и скрылись в нашей с Мариной комнате.

– Садись, – я легонько подтолкнула его к своей аккуратно заправленной кровати, заметив, что с его появлением комната как будто уменьшилась – гость был высокого роста, широкоплечий, в черной куртке.

Я снова достала мобильный:

– Мариш, спасибо, мы вошли. Что ты там устроила? Такая суматоха!

– Да я замок в Риткиной комнате подожгла, – хихикнула Маринка, имея в виду свою заклятую соперницу и задаваку Маргариту Котову. – Так что можешь даже не считать себя моей должницей! Мне это было в радость!

Я тоже засмеялась.

– Ладно, пока! Увидимся завтра! – завершила она разговор. – Не жди меня! Буду утром, не раньше!

Я бросила взгляд на сидящего на моей кровати молодого мужчину с красивым – при ближайшем рассмотрении – лицом и, вздохнув, принялась вынимать из ящика стола бинт, вату, йод, зеленку – все, что было. Затем положила все это на тумбочку у кровати, из косметички изъехала пинцет.

– Ну что, готов? – деловито спросила я у неожиданного визитера, который с интересом наблюдал за всеми моими движениями.

Я скинула легкий весенний плащ и повесила на вешалку. Переобула тапочки, затем вымыла руки под допотопным краном у двери – единственное и даже эксклюзивное удобство в нашей комнатухе, переделанной из какой-то подсобки, наверное. Душ, туалет, кухня – располагались в конце коридора, и кроме нас с Мариной никто не мог похвастаться даже краном в комнате.

Я приставила к кровати деревянный стул – прямо напротив потерпевшего. Лишь сев и взглянув в неправдоподобно красивое мужское лицо, я внутренне призналась себе, что за всей этой суетой и быстротой моих движений скрывается подспудно разрывающее меня сомнение: зачем я вообще его сюда привела, зачем ввязалась?!

– Готовься, – сухо сказала я, но мои глаза явственно выдавали мой страх перед предстоящей операцией.

Я открыла пузырек перекиси водорода и опустила в него пинцет.

– Кстати о незнакомцах, – сказал мой «пациент», словно продолжая прерванный разговор, и принялся снимать куртку, орудуя одной рукой. – Меня Андрей зовут.

– Ну да... Ира, – словно очнувшись, ответила я.

Глядя, как он изворачивается, не двигая правой рукой, я стала ему помогать.

– Вообще-то, дело не только в боли, – словно оправдываясь за эту мою помощь, произнес он. – Пуля как-то попала, возможно в сустав, и не пускает плечо. И пошевелить не могу...

– Ничего, – ответила я. – Сейчас устраним главную неприятность, и ты снова побежишь к своим ребятам. Подремонтируем, так сказать. Рубашку...

Андрей начал расстегивать пуговицы на рубашке. Я же не могла оторвать взгляда от насквозь пропитанного кровью рукава... пока он не снял рубашку со здорового плеча. Тут уж я приклеилась глазами к его идеально накаченным мышцам на груди и руках, прессу, и не могла оторваться, пока он не поднял на меня глаза, и я свои стыдливо опустила долу. В мгновение взяв себя в руки, я стала аккуратно стаскивать рукав, стараясь не задевать обнажавшиеся раны – одна и впрямь в плечевом суставе, вторая в трицепсе.

– Держи, и свети на раны, – я вложила в его здоровую руку карманный фонарик.

Тусклая лампочка под потолком только сгущала тени, а не рассеивала их.

– Ты это сделаешь? – удивленно приподнял одну бровь Андрей.

– Ну да. Тебе одному неудобно будет.

– Ты смелая, – мягко заметил он.

– Я в детстве всех кошек и собак во дворе вылечила.

Андрей вдруг засмеялся очень приятным смехом:

– Честно говоря, этого я знать не хотел.

Мои губы тоже тронула слабая улыбка. На самом деле мне было очень страшно. Руки дрожали. Хорошо еще, что пули не вошли глубоко – застряли в крепких мышцах. Должно быть, преследователи стреляли с большого расстояния, либо с неудобного ракурса.

Андрей, в отличие от меня, держал фонарик твердой рукой, поглядывая то на действия моих нервных пальцев, то на мое сосредоточенное лицо. Но на его лице за всю процедуру ни один мускул не дрогнул, лишь иногда напряженно сжимались губы. Вынув два маленьких, но разрушительных кусочка металла из его руки, я обработала раны, зашила парой стежков шелковой нитки и забинтовала.

– Крови ты довольно много потерял. Все равно тебе следует обратиться к врачу.

– Да нет, сейчас я чувствую себя гораздо легче. Перекусить бы чего... И кровь, и силы восполнятся!

– Ну да, я бы тоже не отказалась.

Я отправилась на кухню и быстро сварила жидкую манную кашу. Пока стояла над кастрюлькой, я все губы себе искусала, нервничая и думая о том, что вот сейчас вернусь, а его уж и след простыл... вместе с моим кошельком, телефоном, парой сережек из тумбочки и... а больше у меня и брать-то нечего. Но все равно – свое есть свое.

– Извини, ничего другого нет, – сказала я, возвращаясь в комнату и вручая ему тарелку.

Он был здесь. Да, здесь.

– Здорово! – весело воскликнул он. – Давно не ел манки! Прямо, как в детстве!

– Справишься сам? – спросила я.

– Обижаешь! Я же не инвалид, слава Богу! А ранение в руку – это пустяк!

Да уж, пустяк...

Я только теперь заметила бледность в его лице. Я села за письменный стол, наблюдая за своим странным гостем, который в два счета уплел всю порцию.

– Слушай, ты, наверное, добрая самаритянка, – заявил Андрей.

Я лишь пожала плечами, молча прихлебывая кашу.

– Можешь позвонить своим друзьям, – я протянула ему мобильный.

– Понимаю. Горишь желанием поскорее избавиться от меня, – кивнул он, но за телефоном не потянулся. – Только по телефону лучше мне с ними на связь не выходить, тем более по твоему. Те, кто стреляли, быстро вычислят наше местонахождение.

Он замолчал на несколько секунд.

– Извини, не хотел тебя втягивать...

– Тогда можешь переночевать здесь, – сказала я и прикусила язык. – Я имею в виду, если слишком устал. Я просто подумала, что тебя смогут забрать твои друзья и отвезти в больницу. А так, я даже на такси тебе денег не могу одолжить – нету. Поэтому можешь остаться до утра, но уйти придется очень рано.

– Я и впрямь чувствую себя неважно, но передвигаться в состоянии. Просто, если позволишь, мне бы хотелось побольше узнать о своей добродетельнице. Быть может, в ходе разговора придумается, как лучше тебя отблагодарить. Ты мне жизнь спасла.

– Пустяки! – махнула я рукой.

– Для меня – нет.

– Ладно. Оставайся, – решила я, хотя и чувствовала себя в его компании очень скованно. – Только мне к экзаменам готовиться надо. На долгие разговоры у меня времени нет. Кстати, нужно застирать рубашку...

Я быстро поднялась со стула.

– Что ты! Выброси ее. Еще чего не хватало!

– Да ты что! В чем ты завтра пойдешь? В куртке и брюках?

Собственно, истинной причиной моего внезапного хозяйственного энтузиазма была не забота о ближнем. Просто меня почему-то очень нервировало то, что он сидит передо мной полуголый и... весь такой идеальный.

Я постирала-таки рубашку под краном и повесила на натянутую под потолком веревку.

Затем открыла форточку и снова села за стол, прикурив сигарету и выпустив дым в окно. Андрей оказался некурящим и отказался.

Скользнув глазами по учебникам на выщербленной столешнице, я поняла, что могу за них даже не братья – я чувствовала на себе взгляд Андрея и все равно не смогла бы сосредоточиться.

Я подложила ему вторую подушку, и мы стали просто беседовать: я – сидя на стуле и периодически выкуривая очередную сигарету, он – полулежа в моей постели. Он укрылся одеялом, и мне стало гораздо легче говорить, когда я перестала видеть его обнаженный торс.

– Вообще-то дело еще знаешь в чем, – говорил Андрей. – Я ведь не здешний. В городе совершенно не ориентируюсь. Прилетели только вчера...

– Откуда? – поинтересовалась я, весьма невежливо прервав его речь.

– Из Москвы. Поэтому сейчас я не знаю, как добраться до своих. Только при свете дня.

– Что же они тебя бросили? Что не ищут?

– Ищут, я уверен. Просто я в неурочный час оказался один, да нарвался на наших врагов. Меня во двор многоэтажки затащили, пистолет и телефон отобрали, я стал отбиваться, а когда побежал, схватил две пули. Они вскочили в машину и погнались за мной, поэтому пришлось скрываться дворами. Потом окончательно заблудился в незнакомом городе. А как я в вашем студгородке оказался даже и не скажу – сам не помню, да и ослаб к этому моменту.

– Так тебя, наверное, до сих пор ищут? Твои враги!

– Вероятно.

– Чего же им от тебя надо было?

– Ну... Есть у нас кое-какие споры. Денежного характера.

– Ясно. Только диву даешься, на что готовы пойти люди ради денег... Даже на убийство. Ну а ты-то чем занимаешься, раз ходишь с пистолетом?

Андрей усмехнулся уголком рта.

– Нет, красавица. Я и так с тобой тут как на исповеди. Нужно знать, когда следует останавливаться. Особенно это касается опасных вопросов. Просто запомни на будущее.

– Не хочешь – не говори, – пожала я плечами. – Как рука?

– Как после огнестрельного ранения, – усмехнулся он. – Но ничего, на мне все, как на собаке заживает... Только ты все равно никому не говори обо мне, ладно? Я через несколько дней вернусь снова в Москву и больше никогда тебя не потревожу. Но тем не менее, очень тебя прошу не распространяться на эту тему... хотя бы эти дни, пока мы здесь, пока не решили кое-какие проблемы и не уехали. Это может снова очень плохо отразиться на моих делах в Ростове. Да и на себя можешь навлечь опасность. Слушай, – он вдруг откинул одеяло и сел, спустив ноги на пол. – Ир, я и впрямь должен идти. Не хочу еще и тебя подставить. Я уже отдохнул, так что... Ничего, что ночь. Фонари везде. А меня и впрямь могут караулить в этом районе. Я просто обязан отвести от тебя эту опасность. Ты мне только скажи, как добраться на Левобережную. Возможно, мне даже будет легче скрываться в темноте.

Андрей стремительно встал и сдернул с веревки рубашку.

– погоди! – я подскочила к нему, сама не зная от чего внутренне запаниковав. В ходе разговора вместо смущения и скованности я стала чувствовать абсолютное спокойствие от звуков его ровного голоса и исходившей от него теплой энергии. – Она же еще мокрая! – только и сказала я.

– Ничего. Уже не мокрая, а влажная. Правда, тебе не безопасно рядом со мной. Ты и так очень мне помогла. Я безмерно тебе благодарен. Но сейчас я представляю для тебя большую угрозу. Вернее не я, а мое присутствие здесь и люди, которые меня разыскивают.

– Глупости! Ничего я не боюсь, – заявила я, ощущая непонятную потребность его остановить во что бы то ни стало. – Все будет в порядке. Ты еще слаб! Тебе нужно поспать. Не волнуйся. Да и пешком тебе будет непросто туда добраться!..

Он вдруг прикоснулся к моему плечу и сказал, слегка наклонив ко мне голову:

– Ты еще очень молодая и глупая. Извини, не хочу тебе грубить, но тебе следует меньше доверять людям. Ты не знаешь, в какую компанию ввязалась.

Его прикосновение обожгло мне кожу – даже сквозь рукав пуловера, а дыхание перехватило. Но его слова вовремя остудили во мне эту необъяснимую, сладостно-томительную и жгучую симпатию к нему, словно окатив холодным душем.

– Я просто не уверена в успехе твоих ночных походов. Сейчас людей на улице мало, так что ты только привлечешь к себе внимание преследователей. Утром тебе будет гораздо легче затеряться в толпе торопящихся на работу горожан...

Андрей улыбнулся:

– Забираю свои слова обратно. Ты нисколько не глупая. Ты авантюристка.

Я улыбнулась в ответ:

– Ничего подобного. Я никогда не ищу приключений на свою голову. Просто сегодня... думаю, тебе повезло, что я рискнула тебе помочь. Ой, – вдруг вздрогнула я. – У тебя кровь просочилась...

Я снова усадила его на койку, сняла повязку с верхней раны и снова обработала ее. Кровь остановилась, и я заново забинтовала его плечо.

– Постарайся не двигать рукой, – сказала я тихо, завязывая бинт и отрезая кончики.

– Ты сейчас на первом курсе учишься? – спросил он, все это время глядя только на мое лицо.

– Да. А что?

– А мне двадцать пять лет.

Я вскинула на него удивленный взгляд:

– По-моему, у тебя еще вся жизнь впереди.

– А я себя сейчас, почему-то, чувствую ужасно старым.

Я лишь промолчала, глядя в его глаза, устремленные прямо в мои.

– Тебе следует отдохнуть, – наконец с трудом выговорила я. – Постарайся уснуть.

Он лег, а я села за стол и уставилась невидящим взглядом в учебник по психологии. В желудке снова заплескался холод, легкие стали делать очень мелкие вдохи, а спина держалась прямая-прямая.

Не знаю, сколько времени я просидела так, бегая по строчкам ничего не фиксирующими глазами, но когда, наконец, решила обернуться, увидела Андрея уже спящим.

Я осторожно и облегченно вздохнула. Легкие словно раскрылись, позвоночник расслабился, а желудок перестало мутить.

Что он имел в виду? Что он стар... для меня? Если так, то он прав. Мне совсем недавно исполнилось восемнадцать. Негоже мне связываться с мужчиной, с которым меня разделяет семь лет. Это была бы слишком большая разница в возрасте. Еще в детстве разница в пять лет между мною и Вовкой казалась непреодолимой, а его превосходству надо мной не было предела. Сейчас наши отношения изменились и стабилизировались, но все равно я продолжала ощущать на себе его «взрослость». А тут... семь лет! Ужа-асно! И все же он будоражит во мне совершенно новые и интригующе приятные чувства, которые, в свою очередь, вызывают яркий стыдливый румянец на моих щеках.

Завтра он уйдет, и это будет правильно, подумала я. И хорошо, что уйдет.

Я снова посмотрела на его выразительное даже во сне лицо. Вид привлекательного мужчины, спящего в моей постели, вызывал внутри меня какую-то незнакомую дрожь. Но ничего, завтра он уйдет – и хорошо...

Я выключила верхний свет, оставив включенной лишь настольную лампу, и снова опустилась на деревянный стул. Чиркнула зажигалкой и закурила, выпуская дым в сторону открытой форточки.

Все-таки это неправильно – то, что я его впустила. Я и себе могу заработать головную боль, если кто-нибудь обнаружит его в моей комнате. И сам он какой-то... Представляет опасность, вот что!

Ну не дура ли!

Пригласить человека, судя по всему, криминального рода занятий да еще уговаривать его остаться на ночь!

Скажи кому – не поверят. Я сама-то не могла ожидать от себя подобного безрассудства.

Я бросила на Андрея опасливый взгляд. Он спал все в том же положении на спине, склонив голову немного набок. Какой же он все-таки красивый!

Встряхнув головой, затушила сигарету и взяла в руки учебник, начав читать его на этот раз по-настоящему внимательно.

Сейчас с часик позубрю и лягу на Маринкину постель. А завтра моя жизнь снова вернется в прежнее русло...

Глава 2

– Ира, – тронула меня за плечо теплая ладонь.

Я открыла глаза и встрепенулась, обнаружив, что будит меня... Андрей. Ну и дела!

Оказывается, уснула я сидя за столом, используя учебник вместо подушки.

– Доброе утро, – прозвучал мягкий баритон откуда-то, как мне показалось, с высоты.

– Доброе, – просипела я заспанным голосом и отметила про себя, что Андрей уже одет в рубашку. Это, пожалуй, и к лучшему!

В отличие от меня, он выглядел свежо. Я, чтобы не отставать от него, подошла к умывальнику и поплескала на лицо холодной водой. Хорошо еще, что я, в силу молодости, всегда выгляжу хорошо, даже по утрам! Если бы не красный след от книги на щеке...

Я выглянула в пустынный коридор.

– Нам, честно говоря, повезло, – сообщила я, обернувшись к Андрею. – Сегодня суббота, общага почти пустая. Есть шанс остаться незамеченными.

Я глянула на часы, показывающие время пять утра. За окном едва рассветало.

– Комендант, скорее всего, спит, – продолжила я.

– Хорошо. Тогда я удаляюсь, – кивнул Андрей. – Как твоя фамилия?

– Тимофеева, – машинально ответила я, приученная моментально отрекомендовываться еще со школьной скамьи, и только потом удивилась: – Зачем тебе?

– Провожать не надо, – Андрей взял со спинки стула свою куртку.

У меня внутри поднялась какая-то паника, захотелось снова его задержать. Но я лишь сухо кивнула:

– Да. Я бы предложила кофе, но, пожалуй, лучше поторопиться, чтобы не нарваться на коменданта...

Вдруг в коридоре послышались громкие шаги, шум, хлопанье дверей, вскрики разбуженных в столь ранний час студентов.

Я высунула голову в коридор и увидела в конце коридора троих громадных мужиков в черных одеждах и... черных масках, скрывавших все лицо, с прорезями для глаз и рта, и с автоматами – у двоих в руках, у одного на плече. Один из мордovorотов выбил ногой деревянную дверь в одну из комнат, но, видимо, никого там не обнаружил. Другой тем временем проделал то же самое с другой дверью, послышались крики, голос бандита и Валерки Демченко – моего однокурсника – хлипкого, но «борзого» заводилы. Однако сейчас его голос был более, чем жалобный. До меня донеслись обрывки фраз:

– ...Блондинка!.. Невысокая, – гудел глубокий бас громилы, который за грудки выволок парня в коридор, и тот повис, едва касаясь ступнями пола.

Валерка что-то жалобно промямлил.

– Где она?! Девчонка, вчера в библиотеке сидела...примерно до восьми вечера.

– А-а! – проблеял парень дрожащим голосом. – Это Ирка, только она способна в пятницу за книжками париться... Она у нас синий чулок...

– Где?! – снова встряхнул его громила.

– В п-пятнадцатой... – промямлил Валерик.

У меня сердце в пятки ушло, в груди похолодело. Я захлопнула дверь и поняла, что Андрей все это время нависал за моей спиной.

– Это за мной, – тихо сообщил он, и я почти что увидела, как в его голове закрутились шестеренки соображалки. – Надо срочно сваливать.

– Окно зарешечено! – в ужасе пискнула я, увидев направление его быстрого взгляда.

Я проворно, в надежде выиграть время, закрыла дверь на ключ изнутри, хотя и понимала, что для эдаких верзил достаточно нескольких секунд, чтобы ее выбить.

Как назло, в комнате было негде спрятаться, бежать было некуда... И тут мой взгляд упал на мою кровать! О Боже! Точно! Я подскочила к ней, упав на колени, и с трудом приподняла тяжелую квадратную крышку подвала прямо под моей койкой.

– Быстро! – скомандовала я. – Пролезешь? Чтобы не отодвигать кровать!

Андрей слегка изумился, но быстро сориентировался и полез внутрь крошечной темноты, нащупав ногами старые гнилые ступеньки.

– Давай теперь ты! – сказал он, придерживая крышку над своей головой одной рукой.

– Сейчас! – я ринулась к столу, схватила свой мобильный телефон, зажигалку и выхватила из ящика стола карманный фонарь – тот самый, которым Андрей давеча освещал раны. И тут послышался мощный удар в дверь. Я едва удержалась от вскрика ужаса и шмыгнула под койку, нырнув ногами в узкое пространство между проемом подвала и Андреем. Я стала сползать вниз, скользя по его телу; платье стало задирается. Андрей придерживал крышку здоровой рукой, а меня – раненной.

Послышался второй удар и треск.

Он, конечно, ничего не видел в темноте, но его рука скользнула по моему полуобнаженному телу, затем легла поверх платья на мою талию. Я вспыхнула, с ужасом понимая, что, не смотря на всеобъемлющий страх перед теми бандитами, я почувствовала сильное возбуждение от его прикосновения, хотя он просто помогал мне спуститься. Андрей прижал меня к себе и опустил крышку подвала, отрезав от нас даже самый тоненький лучик света. И в тот же момент мы услышали грохот над головой, с которым слетела с петель дверь, а в комнату ворвались бандиты. Андрей осторожно спустился вместе со мной до пола, ногами прощупывая местность, но меня не отпустил, чтобы я не упала. Различить что-либо в этой крошечной тьме не было возможно. Я тихонько включила слабый фонарик и осветила крохотуличное, словно спичечный коробок, пустое пространство с бетонными стенами. Лишь позади Андрея лежали несколько старых досок. Места было так мало, что мы с Андреем даже не могли встать хотя бы на минимальном расстоянии друг от друга. Здесь было ужасно холодно и пахло затхлостью. Хорошо, хоть воды в подвале нет. То-то я мерзла по ночам! Подо мной все время находился «холодильник»!

Над нами тем временем раздавались громкие шаги, грохот, голоса и ругань. Бандиты разыскивали нас, переворачивая все на своем пути и потроша платяной шкаф.

Мои голые ноги в резиновых тапочках стали мерзнуть. И если бы не горячее тело Андрея, прижимавшего меня к себе, я бы уже тряслась от холода. А так... снаружи мне было холодно, кожа мерзла, а внутри – в груди, в руках, в спине, в кончиках пальцев – было очень горячо, и, что хуже всего, горячо было внизу живота.

Не обращая на меня внимания, Андрей смотрел на крышку подвала, которая, к счастью, закрывалась очень плотно, и прислушивался к происходящему наверху. Наверное, почувствовав мою слабую дрожь, он бросил на меня быстрый взгляд, и снова посмотрел вверх.

Я испугалась, что он мог понять по моим глазам, о чем я сейчас думаю, – да еще в такой неподходящий момент. Хорошо, хоть платье уже давно сползло обратно вниз.

Разозленные бесплодными поисками бандиты продолжали о чем-то говорить, и тут над нашими головами разразились две, а то и все три автоматные очереди. Жутко громко. Закрывтая крышка подвала приглушала их, но этот звук все равно разрывал барабанные перепонки. И в этот момент я почувствовала теплое прикосновение его губ к своим. Я вздрогнула, пальцы непроизвольно разжались, и фонарик упал на доски, освещая теперь крошечное пространство каким-то по-особенному интимным светом. Я закрыла глаза, млея от движений его губ, и приоткрыла рот, впуская в себя его тепло, нет, скорее, теперь это был уже жар. Почувствовав это, Андрей обнял меня двумя руками, нежно прижав к себе и словно окутав меня со всех сторон своим теплом.

Все звуки и даже мысли отошли на задний план. В этой комнатке остался лишь сильный эмоциональный накал, распирающий тесные стены изнутри. Я прижалась к нему ногами и бедрами. Обняв меня еще крепче, он слегка приподнял меня над полом, потому что без каблуков я оказалась для него очень маленькой по росту.

Я чувствовала на щеках его разгоряченное дыхание. Его поцелуй становился все более напористым: мужской, полный необузданной силы и возбуждающий до конца всех моих нервных окончаний. Всколыхнувшиеся во мне ощущения вызвали у меня страх, словно перед прыжком в неизвестность, – и чувственность. Захотелось, чтобы он прикасался ко мне бесконечно. Кожа горела и требовала его рук.

И он прикоснулся. Он начал поглаживать меня по спине, по плечам, по бедрам так, что у меня всякий раз перехватывало дыхание. Андрей как-то совершенно естественно – хотя что могло быть более неестественным для меня, чем это? – задрал подол моего платья и коснулся моего бедра, прижав меня к себе. Потом он резко подхватил меня, раздвинув мне ноги и прижав к шершавой стене спиной, пригвоздив меня к ней своим весом.

В этот момент наши губы в первый раз за все это время разомкнулись, и я увидела, как тяжело он дышит от возбуждения. Левой рукой он уперся в стену за моей спиной, а правой провел по моему бедру. Я видела в полумраке его горящий взгляд, раздувающиеся ноздри, расстегнутую рубашку – во влекущем полумраке, создаваемом лежащим на полу фонариком. Я только сейчас осознала, что это я, целуясь, расстегнула эту его рубашку и гладила ладонями по груди, спине, животу... И только сейчас это осознала! Словно это и не я была вообще...

– Я не могу, – чуть слышно и нерешительно прошептала я, чувствуя, что он уже готов войти в меня, и мне стало очень страшно.

Он взглянул мне в глаза острым цепким взглядом и спустя пару секунд тихо спросил:

– Почему?

– Нельзя.

– У тебя...

– Нет!

– Ты еще...

– Да, – чуть слышно ответила я, почувствовав жгучий стыд, почувствовав себя глупой малолеткой, почувствовав себя смешной. Вот она – разница в возрасте. Вот ведь ду-ура! Дура! Дура!

Андрей замер, все еще сжимая в руке мое бедро и борясь с собой. Это было так отчетливо видно; его даже немного трясло.

Я изо всех сил пыталась спрятать глаза, и боялась, что он теперь сделает. Не послушает меня, продолжит начатое? Или уйдет, оставив меня с осознанием собственной мелкости и его презрения?

– Сейчас... я тебя отпущу, – прошептал он, закрыв глаза и прижавшись своим лбом к моему. Ни тени разочарования. Скорее, терпимость и самообладание почувствовалось в этом его сильном, но мягком движении.

Он все еще тяжело дышал, и, казалось, был не в силах разжать руки. Просто физически не в силах, но ровно до тех пор, пока не отпустит напряжение.

Я вдруг поняла, что он, пожалуй, единственный мужчина, с которым я вообще могла бы этого захотеть. Он был сейчас такой красивый, сильный, все еще возбужденный... Стоял, удерживая меня на весу одной рукой – раненной, без видимых усилий. И не смотря на раздвинутое его желание, был готов отказаться от затеи и отпустить меня, глупую и невесть что о себе возомнившую девчонку.

Я взяла его голову в руки и поцеловала в губы, до неприличия страстно, погрузив пальцы в его волосы.

Я целовала его так, как невинной девушке просто не подобает этого делать. Он замер на мгновение, а затем стал отвечать на поцелуй, перехватив инициативу и снова прижав к стене своим телом. У меня снова все вспыхнуло внизу живота от ощущения его тела между бедер.

– Ты хочешь этого? – быстро спросил он, прервав на мгновение поцелуй, и снова впившись в мои губы.

– Да, – так же быстро выдохнула я.

– Уверена, что готова? – спросил Андрей, оторвавшись от меня и внимательно посмотрев в мои глаза. Я твердо кивнула. Меня саму уже буквально трясло от желания.

Когда я почувствовала тупую, но сильную боль, все возбуждение как рукой сняло. Я уперлась руками в его плечи, пытаюсь приподняться и ослабить ужасную боль, но он, наоборот, отодвинулся от стены, лишив меня точки опоры, и за счет моего собственного веса боль резко усилилась и словно прорезала меня изнутри – снизу вверх, до самого мозга, до самых мыслей. Я запрокинула голову назад и закричала, – так это было ужасно; боль беспощадно жгла и пульсировала внутри меня. Андрей зажал мне рот рукой – в такой момент! Когда мне и так очень плохо! Но сразу же снова прижал меня к стене, быстро убрал руку и на этот раз закрыл мне рот поцелуем, успокаивая и утешая. Он не двигался, только целовал меня в губы, щеки, шею, плечи, поглаживал руками по спине, плечам, ногам и бедрам, превратив чудесным образом этот болезненный момент в настоящие мгновения счастья и чувственности. Боль понемногу, медленно утихала и заглушалась его нежными поцелуями и прикосновениями.

Я и сама не заметила, как снова с вождением задышала, прижимаясь к нему, отвечая на поцелуй и тихонько постанывая. Возбуждение вернулось. Поняв это, он только теперь осторожно задвигал бедрами. Я чувствовала движения прямо внутри себя – такие необычные и даже странные, – но никакого удовольствия они мне не доставляли. Зато я парила в облаках от его губ, рук и запаха крепкого сильного тела. Мне хотелось нежиться в этих мощных руках всю жизнь, чтобы он не разжимал свои объятия никогда-никогда, пусть и в этой мизерной комнатухе...

Он совсем тихо, но как-то мощно простонал, уткнувшись губами и носом мне в щеку.

Я скорее догадалась, чем почувствовала, что внутри уже ничего нет, и словно ощутила какую-то опустошенность. Душевную опустошенность.

Андрей все еще стоял, прижимая меня к стене, а я обхватывала его талию ногами. Он обнял меня, тепло и нежно прижав к себе. Было так хорошо здесь, вместе с ним. Хотя я никогда не думала, что первый раз это произойдет в подвале, да еще когда над головой грохочет автоматная очередь!

Кстати, в какой момент времени она прекратилась?

– Я даже не заметил, когда закончилась стрельба, – будто услышав мои мысли, Андрей поцеловал меня в висок и поставил на пол.

Я смущенно улыбнулась.

– Как думаешь, там еще кто-то есть?

– Думаю, если бы были, то давно нас услышали и обнаружили бы, – пожал он плечами. – Надо проверить.

Он застегнул ремень брюк и стал подниматься по старым деревянным ступенькам, которые вдруг снова стали существовать. А ведь еще две минуты назад вокруг нас словно не существовало вообще ничего.

Пока его внимание отвлеклось от меня, я стала спешно приводить себя в порядок, предварительно выключив фонарик, чтобы свет не был замечен, когда Андрей поднимет крышку.

– Вылезает, – он подал мне руку, удостоверившись, что комната пуста.

Он помог мне и выбрался сам.

Перед нами предстала разгромленная комната: все перевернуто вверх дном, все вещи, постельное белье, канцелярия и прочее «имущество» валяется. Подушки, матрасы на наших с

Мариной койках испещрены выстрелами; шкаф зияет пустыми вешалками и тоже походит на решето, а вся одежда из него вывалена на пол.

– Зачем они стреляли? – изумилась я. – Ведь видели, что прятаться беглецам здесь совершенно негде.

– Наверное, просто выместили досаду, – предположил Андрей. – Ну и оставили послание, мол, это вам с рук не сойдет.

– Какой кошмар! – простонала я, закрыв лицо руками. – Что теперь будет! Меня выгонят из общаги! – я в панике обернулась к Андрею. – О Господи! Меня вытурят из универа! Боже мой! Кошмар... Что мне делать?! Где жить? Как же учеба?!

– Подожди, подожди, успокойся, – Андрей попытался притянуть меня за плечи к себе. – Я тебе помогу. Не волнуйся.

– Как ты мне можешь помочь?! – яростно выкрикнула я, отскочив от него, и вдруг осеклась: – Ой... Они хоть не караулят снаружи?

Я оглянулась на выбитую дверь. Коридор был пуст.

– Слушай, тебе пора сматываться! – прошептала я громко.

Что сделано, то сделано. Комнату не восстановить, а самим надо было спастись.

– Как?

– Давай за мной, – я поспешила по коридору в противоположную от входа сторону – к туалету. – На первом этаже все окна забраны решетками, – не оборачиваясь, на ходу бросила я. – Но на втором их нет, так что придется тебе прыгать...

Я быстро взбежала по лестнице, ведущей на второй этаж. Андрей не отставал – шаги у него были большие.

Мы забежали в женский туалет на три кабинки, и я выглянула в распахнутое окно.

– Смотри, – указала я рукой на здание, скрывавшееся в деревьях. – За этим корпусом есть проход во дворы обычных жилых домов. Пройдешь и окажешься на другой улице. Думаю, там тебя никто не поджидает.

– Послушай, ты не переживай, – он взял меня за плечи и развернул к себе, чтобы встретиться со мной глазами. – Я уйду и уведу их за собой. Не беспокойся, тебя больше никто не потревожит и искать не будет, я лично об этом позабочусь. Сейчас я доберусь до своих пацанов, и мы тут же уроем этих ублюдков. На это надо часа два-три, не больше. Так что ничего не бойся. Всех, кто о тебе знает, сегодня уже не будет в живых.

Я вытаращила глаза на его спокойное лицо, но он продолжал:

– И обо мне лучше никому ничего не говори. Меня здесь и быть-то не должно. Мы с парнями прилетели, можно сказать тайно, как раз вот чтобы решить вопрос этих... бандитов. Можешь спокойно возвращаться к обыденной жизни.

«Моя жизнь не обыденна», – хотела я возразить, но не успела.

За дверью туалета слышались отдаленные шаги.

– Иди скорее, – внезапно я почувствовала ком в горле. – Думаю, и с учебой я сумею все уладить...

Андрей положил на подоконник свою куртку, которую до этого сжимал в руке. Он быстро перемахнул через подоконник и удивительно ловко слез на карниз окна первого этажа и прыгнул на землю. Я жестами показала, чтобы он посмотрел на свое плечо, где через рубашку вновь проступила кровь. Бросила ему куртку, он быстро накинул ее на плечи и побежал в том направлении, которое я ему указала. Все-таки он очень спортивный, подумала я и шмыгнула в одну из кабинок, прежде чем меня застала какая-то девушка, которая как раз вбежала в соседнюю кабинку. Я поскорее выхватила из держателя рулон туалетной бумаги и побежала на первый этаж в душевую, где быстро приняла душ, необходимый мне сию же минуту по вполне понятным причинам. За неимением с собой полотенца, я промокнула кожу бумагой. А что мне оставалось делать? Мое полотенце валяется в расстрелянной комнате, затоптанное огромными

ботинками этих амбалов. Я снова натянула на слегка влажное тело платье и пошла в комнату, возле которой царил суматоха, возглавляемая комендантом – пенсионером Семеном Николаевичем.

Комнатку наводнили студенты, галдящие и присвистывающие. В центре голосила негодующая Маринка, вернувшаяся с «танцев».

– О Боже мой! – довольно натурально выдохнула я, пробиваясь сквозь столпотворение в дверях к Семену Николаевичу и Маринке. – Что здесь случилось?!

– Ты где была?! – накинулись они на меня.

– Я... я... – я смущенно потупила глазки. – В туалете. Съела вчера что-то не то... вот и... А что тут произошло?

– Какие-то, понимаешь ли, бандюганы напали, – Семен Николаевич потер затылок. – Меня, понимаешь, по темечку – тук! Я и потерял сознание. Прихожу в себя – что за ешкин кот? Что такое? Бардак-кавардак!

За моей спиной галдела толпа зевак.

– Что же это... – растерянно оглянулась я.

– Террористы! – возмущался пенсионер.

– Они Ирку искали! – выкрикнул Валерка из толпы.

– Меня?! – «удивленно» обернулась я к нему, на самом деле пылая праведным гневом.

– Да! – нагло выкрикнул он. – Говорят: где блондинка-заучка? Я и показал...

– Что?! – заорала я на парня, который даже присел под гнетом молний из моих глаз. – Я что, единственная блондинка в этом университете?! Они что, спросили, где Ирина Тимофеева?! Из-за тебя какие-то амбалы могли меня убить! Мы с Маришкой потеряли все наше имущество! – наступала я на него на «танке» желания обелить себя и не вылететь из ВУЗа.

...В конце концов подоспел ректор, рассудивший нас.

На меня и впрямь не подумали. Ну как отличница-заучка-первокурсница из бедной семьи может быть связана с бандитами? Немыслимое предположение! От слов Семена Николаевича о террористическом акте ректор тоже отмахнулся, – пусть милиция разбирается. О моем исключении из университета и речи не шло. А, собственно, за что?! Вот только с нашим расселением возникли трудности – все общаги стояли битком. И тут пришла на помощь Маришка, сказав, что мы могли бы недельку пожить у ее троюродной сестры. Так что, все обошлось малой кровью.

Из комнаты нас выгнали и велели ничего не трогать до приезда милиции. Затем нас, претерпевших тягостное общение с правоохранительными органами, снова спровадили в коридор. В комнате работали эксперты, снуя, как муравьи. Только вечером, когда уже стемнело, нам позволили взять кое-какие вещи.

Я собрала в сумку все учебные принадлежности, немногочисленную уцелевшую одежду, а вообще-то вещей у меня было немного.

Троюродная сестра Марины Женя работала менеджером торгового зала в одном супермаркете. Зарплата не так, чтобы велика, – больше головной боли. Ей тридцать лет, она замужем за дальнобойщиком, детей у них пока нет. Квартирка однокомнатная, зато своя. И сейчас она как раз пустует, потому что Женя, пользуясь двухнедельным отпуском, решила съездить вместе с мужем к его родителям в Одессу. Маришка созвонилась с сестрой и напросилась пожить у них в квартире несколько дней в связи со столь неприятными обстоятельствами и статусом «беженцев».

Мы вышли на автобусной остановке, и Марина повела меня дворами «в гости». Дверь нам открыла приятная рослая девушка в белых брюках и свободной блузе, уже, так сказать, на чемоданах. Это и была Женя.

– Хорошо, что ты вовремя позвонила, могла бы меня уже и не застать! – произнесла она после нашего быстрого знакомства.

Женя показала нам, что где лежит, чем мы можем пользоваться, взяла с нас торжественное обещание обращаться с жильем аккуратно, и, подхватив две дорожные сумки, спустилась по лестнице к ожидавшему ее мужу и такси.

Квартирка была простой, но уютной. Запаса продуктов в холодильнике не было никакого, поскольку Женя не планировала гостей. Стипендии наши были на исходе. Жалкие копейки надо было экономить на проезд до универа. Ну и заварила я кашу!

Мы разобрали свои вещи, бросили испачканную «террористами» одежду в стиральную машинку, пожевали лапшу быстрого приготовления и сели за кухонный квадратный столик поболтать и отдохнуть после стресса. К счастью, в шкафу мы нашли банку молотого кофе и сварили себе по чашечке. Вот ведь блаженство! Я затагнулась сигаретой и почувствовала, как нервное напряжение начинает отступать.

– Что же, все-таки, произошло? – в который раз за сегодня спросила Маринулька.

В который раз за сегодня я пожала плечами.

– А где твой брат?

– Брат? – удивилась я.

– Ну да, брат. Он же вчера к тебе приезжал.

– А... да, – вспомнила я вчерашнее вранье. – Он... мы, действительно вчера чай пили, поболтали о том, о сем. Нормально.

– Да нет! Куда он подевался?

– Он... это... Вообще-то хотел остаться, сэкономить на гостинице, но позже передумал. Не хотел попасться и создавать мне проблемы с учебой... Вот и снял все-таки номер. Я его по-тихому проводила, комменд спал уже.

– Ясно. Жалко, – хмыкнула подружка. – Я хотела с ним познакомиться.

– Не стоит, – проворчала я. – Он намного старше тебя.

При этих словах у меня что-то болезненно кольнуло в груди.

– Да ладно, шучу! – отмахнулась Марина и пустилась живописать собственные ночные похождения.

Наконец мы улеглись: Марина на диване, я на маленькой короткой софе у противоположной стены.

В голове крутились сотни непрошенных мыслей. В основном, о случившемся. Об Андрее. Целый день я о нем не вспоминала. Вернее, я о нем и не забывала. Просто мысли о нем не принимали четких форм, а скорее были едва уловимым осознанием того, что он был, что он реальный. Так подсознание всегда помнит, что мы умеем ходить и разговаривать, но не думаем об этом. Просто знаем. Так и с ним – просто знала...

Только теперь, в темноте и тишине, под убаюкивающий шорох проносящихся мимо дома машин, его образ снова настойчиво впился в мое сознание. Ну и что?

Этот человек – мимолетный в моей жизни. Я больше никогда его не увижу. Он будет в Москве, а я останусь здесь. Хотя... сейчас он тоже – все еще – в Ростове... Эта мысль немного взволновала меня. Сейчас, в этом городе, он все еще настоящий, реально существующий. Но когда он окажется в Москве, он станет для меня чем-то эфемерным, словно сон.

Интересно, как он? Что делает сейчас? Спит? Разговаривает с кем-нибудь? Обратился ли в больницу? Разобрался ли с «братками», учинившими стрельбу? Все ли с ним в порядке? И... вспоминал ли он обо мне сегодня? Вспоминает ли сейчас?

«Хотя, к чему ему это?» – нахмурилась я. – «Все, что я могла для него сделать, я уже сделала!»

Я зарылась лицом в подушку от стыда. Потерять невинность с едва знакомым человеком! С человеком, связанным с криминальными кругами.

Вот надо оно тебе было?!

Я встала с постели и побрела на кухню. Открыв пластиковое окно на проветривание, я закурила, глядя на улицу, погруженную в оранжевый свет ночных фонарей, и хмура брови.

Теперь он и за человека меня не считает! Да разве я сама питаю к себе хоть какое-нибудь уважение после случившегося?

Он просто воспользовался мною! Я и раны его обработала, и накормила, и спать уложила, и... удовлетворила! На прощание, так сказать! Идиотка, и только! Наивная, неопытная в жизни дурочка.

Даже своих координат не оставил. И моих не попросил. Хотя бы поцеловал на прощание! Для приличия. В щечку.

И ничего он не загадочный, как мне показалось в начале. Просто необычный. Скрытный, хитрый и расчетливый. Опытный, прожженный. О себе ни слова... Либо выпытывал обо мне, либо уходил от ответов на вопросы о себе. Просто я по неопытности этого не поняла.

Как же все это было неправильно...

А он, наверное, вдоволь потешался потом со своими друзьями, к которым так торопился, рассказывая о малолетней наивной дурочке, которую он использовал в своих целях на полную катушку.

Я со злостью затушила сигарету.

А сколько мне пришлось врать с момента его появления в моей жизни! И вру до сих пор.

Я яростно трянула головой.

Ладно, комнату нам все равно дадут, не беда. Но вот осадок в душе еще долго будет отравлять меня, тыча меня носом в эту мою ошибку.

Глава 3

В понедельник мы снова поспешили на пары, которые я ждала с нетерпением. Все воскресенье я не отрывалась от книг и конспектов, стараясь наверстать упущенный для зубрежки субботний день. Сидя на лекциях, я уверяла себя, что моя жизнь снова вернулась в прежнее русло. Снова беготня по кругу аудитория – кафедра филологии – библиотека. Это именно то, что мне было нужно. Если бы еще можно было не вспоминать обо всем, ложась спать... Но дурацкое приключение будоражило мозг всякий раз, когда я пыталась дать ему отдых. И поэтому я принялась вгрызаться в гранит науки с утроенным энтузиазмом, порожденным безвыходностью.

После окончания занятий мы с Маришкой сходили в библиотеку, сдали «отработанный материал» и взяли новые учебники. Засиживаться в читальном зале теперь не имело смысла – придется добираться до нашего нового жилья по темноте. Наша комната в общежитии стояла опечатанной, и ее не планировали открывать до конца следствия. Однако оно может растянуться на неограниченный срок. Решить жилищный вопрос ректорат университета божился к концу недели. Беспредел! А если бы у Марины не оказалось местной дальней родственницы, готовой нас приютить? Где бы мы ночевали? На лавочке возле будки с хот-догами на территории студгородка?! В конце концов это прямая обязанность ректора – обеспечить своих студентов крышей над головой! Ну что за народ! Никому ничего не надо!

Мучимая бессонницей, ночью я вертелась так, словно подо мной была не кровать, а гигантская раскаленная сковородка.

Снова я ругала себя за глупость и беспечность!

Спустя, наверное, полчаса моих «мытарств», я услышала, как в темноте раздался ничуть не сонный голос Марины:

– Ира, блин, не сочти за грубость, но ты достала уже крутиться!

– Ты не спишь? – моя голова сама оторвалась от подушки, а мысли вспугнутыми птицами разлетелись в разные стороны, укрывшись в глубинах моего сознания.

– Успнешь тут! Чего елозишь? – не зло возмутилась подруга.

– Сон не идет. Сама спать хочу, а не могу уснуть.

– Ты что-то все эти последние ночи плохо спишь, – заметила Марина. – На новом месте, да? Или из-за стресса? Не парься, дадут нам койки! А то, что стреляли – так это точно не по наши с тобой души! Мы с подобными кругами не связаны, тайн государственной важности не знаем, никому ничего не задолжали!

Я лишь вздохнула, зная, по чью душу приходили бандиты. Я вдруг почувствовала, что соскучилась по нему...

– Давай завтра сходим куда-нибудь, – неожиданно предложила Марина. – Развлечься? Глядишь, и бессонница пройдет.

– С чего бы?

– Ну как же? Ты целыми днями угрызаешь в учебе. В восемнадцать лет! Куда это годится?

– А когда же тогда учиться? – хмыкнула я. – Когда выйду на пенсию? Я хочу учиться сейчас именно потому, что я сейчас молодая и готова работать над собой и своей карьерой. С возрастом амбиции и работоспособность снижаются.

– Ерунда какая-то! – махнула Маринка рукой. – Эти глупые мысли в твою голову лезут из-за отсутствия удовольствий в твоей жизни.

– Каких же это?

– Ну вот объясни мне: какого рожна ты все еще в девках ходишь? Когда думаешь с девственностью прощаться?

– А я и не девственница, – неожиданно для самой себя ляпнула я.

– Конечно! – недоверчиво хмыкнула Маринулька, но уточнила: – Ты серьезно?

– Серьезней некуда, – хмуро подтвердила я.

Именно мои насуленные брови заставили ее поверить. Марина удивленно посмотрела:

– Когда ж ты успела?

– На днях... – буркнула я в подушку.

Марина вдруг громко захохотала:

– Ну ты жжешь! Я тут на днях в «Метро» шампунь купила, а ты на днях девственности лишилась!

Я не стала конкретизировать дату. К чему мне лишние подозрения...

– Ты крутая, правда! – продолжала веселиться Марина. – Кто же он?

Я скосила в ее сторону глаза и увидела, что она полулежит, опираясь на локоть, а ее глаза горят любопытным огнем, алчущим подробностей.

Ну и что мне ей сказать?

– Ах вот оно что... – вдруг протянула она, осененная догадкой. – «Брат»!..

Я лишь вздохнула, безмолвно подтверждая ее гипотезу.

Кто он? Откуда он? Откуда ты его знаешь? Как познакомились? Какой он? Как все было?!

Вопросы посыпались, как из рога изобилия.

И опять мне пришлось врать, с грустью подумала я.

Туманно повествовав о своей первой – и, как водится, тайной – школьной любви Владике, который якобы учится в другом ВУЗе и случайно повстречался мне в маршрутке, я спешно отвернулась к стене и накрылась одеялом почти с головой, предупреждая все Маришкины попытки продолжить допрос. Да и не так-то просто с ходу придумывать подробности моих выдуманных отношений с несуществующим в действительности Владиком.

Вторник превратился для меня в игру в прятки. Я всячески избегала встреч с Мариной, дабы избежать дальнейших расспросов. Приходилось скрываться на кафедре, которую – без острой надобности – каждый из моих сокурсников обходил стороной. Я же приставала к Наталье Павловне с мелочными вопросами, придумывая все новые поводы исчезнуть из поля зрения Марины, так радевшей за мою личную жизнь.

Вечером мне все-таки пришлось отсидеться в читальном зале. Но вернувшись в квартиру, где мы временно обитали, избегать Маришки стало просто невозможно.

– Ты где была? – выпрашивала она, плетясь за мной по пятам на кухню.

Я уже хотела честно ответить чистую правду – в библиотеке, как вдруг она сама дала мне в руки орудие, с помощью которого я сумела оборвать ее интерес к моей бесследно пропавшей целомудренности.

– На свидании с ним? Да? – подпрыгивала она у меня за спиной, пока я переливала горячий кофе из турки в чашку.

– Да, – кивнула я, мгновенно придумав план, как избавиться от ее навязчивого и ненужного любопытства.

Я села за стол, отхлебнула глоток кофе и закурила.

– И как? – лукаво улыбнулась Маринулька, вытянула из моей пачки тонкую сигарету и тоже затянулась.

– Никак, – невесело отозвалась я.

Но эта невеселость не была притворной: на душе по-прежнему кошки скребли. В этом состоянии я находилась уже несколько дней кряду.

– А поконкретнее можно? – она нетерпеливо запрыгала на стуле. – Добавь красок в свой немногословный рассказ!

– Мы расстались.

– Почему? – лицо Маришки вытянулось.

Я махнула рукой, грустно уставившись взглядом на газовую плиту и зажав фильтр сигареты между зубами. Думала я об одном, а рот озвучивал совсем иную информацию:

– Ну, он, как оказалось, хотел от меня только секса. Встречаться со мной он и не собирався, – я вздохнула. – Он предпочитает ограничиваться отношениями с девушками, согласными на мимолетную связь без обязательств и обещаний.

Я снова вздохнула, прищуриль глаза, и поняла, что все-таки говорю сейчас не о призрачном Владике, а о конкретном и совершенно реальном человеке.

– Он получил от меня, что ему было нужно, и исчез из моей жизни.

Я застыла, и в моих словах и поведении сейчас не было ни малейшего притворства. Именно так и поступил со мной Андрей.

– Ох, мне так жаль, – тихо произнесла Марина.

Я моргнула, очнувшись от своих внутренних грез, и посмотрела на подругу.

– Да уж. Переживу, – кивнула я.

– Ируська, только ты не расстраивайся. Так бывает, – принялась она меня утешать. – Таких засранцев полно. И я с такими сталкивалась, и не раз. Но ты не обращай на них внимания. Значит, он не стоит твоих чувств. Не трать нервы понапрасну. Это жизнь.

Я кивнула, продолжая курить, держа сигарету только губами и не прибегая к помощи рук.

– Да ладно, – наконец сказала я и затушила окурок в пепельнице так яростно, что он скрутился в букву Z. – Я не закикливаюсь. Отрицательный опыт лишь преподает урок, а не рушит жизнь, верно?

Я улыбнулась жалостливой Маришке, и та улыбнулась в ответ.

– Я пойду спать, – сообщила я, влив в себя оставшийся кофе, и поднялась из-за стола.

На удивление, в этот вечер я уснула быстро и ночь проспала крепко.

Утром я решила для себя, что это происшествие пора принять как свое прошлое и не сокрушаться по этому поводу. Да и вчерашний разговор с Маринкой дал выход некоторой доли моего скверного самочувствия. Мне стало немного легче. Пусть я выговорила не до конца, но поделиться хотя бы частью своих тревог вчера оказалось как нельзя кстати.

Правда, это никак не повлияло на мою молчаливость, присовокупившуюся ко мне за эти дни, и суровость в лице.

Прозвенел звонок, оповещающий о завершении второй пары.

– Что у нас сейчас? – спросила Марина, убирая в сумку тетрадь по культурологии.

– Английский, – коротко ответила я, тоже сменяя одну тетрадь на другую.

– Пойдем покурим? – спросила она. – Перемена большая, можно бы сходить в столовую, но что-то я еще не проголодалась.

Я безразлично пожала плечами:

– Как хочешь. Я тоже пока не голодна.

– Очевидно, мы обе умственно не перетруждались на этих парах! – развеселилась Маринка, направляясь в коридор.

Я тоже улыбнулась.

Миновав вестибюль, мы вышли на залитую солнцем улицу, отчего нам пришлось прищуриться. Спустились по широким ступенькам и встали у низенького бордюра, окаймлявшей газон, который уже пустил буйную зелень.

Мы закурили, болтая о предстоящих зачетах и подготовке к ним. По площадке перед зданием факультета, кроме нас, рассредоточились еще несколько весело смеющихся группок курильщиков.

– Везет тебе! – протянула Маринка. – Ты все зачеты автоматом получаешь.

– Во-первых, не все, а во-вторых, я ради этих «автоматов» работаю в течение всего года! – парировала я.

– Потому что ты – зубрила! – беззлобно ткнула в меня пальцем она. – А я хочу жить сегодня, а не через пять лет, когда эта самая жизнь не жизнь будет! Потому что придется работать. А это еще хуже учебы.

– У нас разные приоритеты, – я затанулась сигаретой, скользнув взглядом по остановившемуся прямо посреди широкого тротуара серебристому Лэнд Крузеру.

– Вопиющая наглость! – возмутилась Марина. – Здесь, между прочим, студенты ходят! Что за водилы пошли: скоро на ноги начнут заезжать...

Недовольное бормотание подруги потонуло в звонком гуле, наполнившем мою голову, потому что из автомобиля вышел... Андрей. Ошибки быть не могло. Это был никто иной, как он. Еще красивее, мужественнее и элегантнее выглядит он сегодня, но я сразу его узнала. Да и он смотрел на меня. Он приближался ко мне. В шикарном деловом костюме, но без галстука, а с расстегнутой верхней пуговицей на вороте, с легкой полуулыбкой, которую не смог сдержать, остановившись прямо передо мной. Но это не была насмешка, вызванная моим растерянным видом. Его глаза загорелись, и я поняла, что он силился сохранить серьезность и выражение скуки и безразличия, хотя, на самом деле, тоже был рад меня видеть.

Да, тоже.

Меня захлестнула такая горячая волна радости, что помутила на мгновение мое зрение и сузив мировосприятие до одного единственного человека.

– Привет, – сказал он ровным голосом.

– Привет, – эхом отозвалась я, в упор глядя ему в глаза, дерзко и холодно, что создавало контраст с плещущимся на дне сознания ликованием и восторгом.

И вдруг снова вокруг стало светло и шумно: засветило солнце, запели весенние птицы, загалдели студенты, зашуршали покрывками машины. Когда же я видела все это в последний раз?

– Поедем со мной. Садись в машину, – без предисловий кивком указал Андрей на внедорожник.

Не смотря на странную формулировку, его слова не были похожи на приказ. Они звучали как простое дружеское предложение: «По пивку?».

– У меня пары.

– Ничего, пропустишь одну. Это много времени не займет.

Его слова, в которых сквозила уверенность сильного и решительного человека, снова прозвучали мягко. Но мне показалось, что так он говорит только для меня. Как будто ему непривычно было формулировать свою речь в просящей или учтивой форме. В нем скорее угадывалась привычка командовать или, по крайней мере... наглеть, наверное.

– Что именно?

Он стоял на расстоянии метра от меня, но мне все равно приходилось задирать подбородок, чтобы видеть его лицо.

– Узнаешь, – улыбнувшись, нетерпеливо мотнул он головой.

Я моргнула, ища в себе силы сопротивляться, и поняла, что стоявшая рядом Марина с выражением коршуна, следящего за движущимся зайцем, переводила взгляд то на Андрея, то на меня.

– Убери со стола мои вещи, – сказала я ей. – Я вернусь.

– Э... о... а... – она даже на междометия не нашла в себе сил.

И я пошла за Андреем к машине.

Думаете, я спросила, куда мы направляемся?

Ха! Как бы не так!

Мозги в моей голове просто расплавились, когда я вновь увидела его. Ведь я на это уже и не надеялась...

Первые несколько минут мы оба не знали, с чего начать, и ехали молча.

Но не потому, что сказать было нечего. Скорее наоборот... Но все это было не то... Не то, что можно говорить, увидевшись всего второй раз в жизни.

Пока я мысленно издавала радостные восклицания, он почувствовал, что пауза начинает затягиваться. И первым нарушил это молчание:

– Ты здорово выглядишь, – сказал Андрей совершенно обыденным тоном, словно констатировал какой-то очевидный и общеизвестный факт.

Я скептически окинула свои прошлогодние джинсы, свитер и блейзер. Лишь туфли на мне были новые, правда наипаршивейшего качества.

– Спасибо, – выдавила я, мало веря в искренность его слов. – Как твое ранение?

– Жить буду.

Я кивнула. Снова наступила пауза.

– Как ты добрался до своих... союзников? Без приключений?

– Да, нормально добрался. Я вижу, ты сохранилась в ВУЗе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.